

Автор: Штенцова Н.

Получив от редакции журнала предложение написать заметки-воспоминания об апрельском семинаре, встала перед сложным выбором, что можно ещё написать после полных и обстоятельных работ участников и коллег. Но, тем не менее: КАК ВСЁ НАЧИНАЛОСЬ.

Знаю Александра Ефимовича Алексейчика с конца 1979 года. Я уже работала после университета, вела группы управленческого персонала при ИПК в Новосибирске. И волновали меня такие вопросы, как частота и продолжительность занятий, показания и противопоказания, количество участников в группе. При случае, в Ленинграде на симпозиуме по психотерапии, с этими вопросами я обратилась к Владиславу Анатольевичу Мурзенко, нашему университетскому преподавателю, психотерапевту, который «выпестовал» нас на последних курсах на занятиях по сенситивному психотренингу. Выслушав меня, В.А. Мурзенко указал мне на одного из гостей: «Ты видишь этого человека? У него в группах двести человек». — «Что же они там делают?» — «Стулья ломают». Так интригующе для меня впервые прозвучало мнение о докторе Алексейчике. Интрига вообще долго сопровождала имя А.Е. Алексейчика в его профессиональной деятельности. (Рассказывали о кураже в группе как о ничем не ограниченной свободе и смелости, которую он демонстрировал, выкидывая в окно цветы). Складывалось впечатление, что он сам провоцировал интерес к себе своими методами работы, эмоциональными и пристрастными отзывами участников. Очень хотелось увидеть: ЧТО и КАК на самом деле все там происходит.

Групповая и психотерапевтическая работа в те годы только зарождалась не только в Литве, но и по всей России. В 1981 году в Новосибирске мы попытались собрать всё, что

к этому времени было. Приехали психологи и психотерапевты Москвы, Ленинграда и Прибалтики. На семинаре была организована работа в группах. Помню первый вопрос, который мы задали в своей группе: «Кто знаком с групповой работой?» И только одна коллега призналась, что она участвовала в шестичасовой группе молчания за рубежом. Александр Ефимович сразу заявил себя как мастер, интригуя и разными загадочными замечаниями провоцируя нас на разговор о своей группе. На этом семинаре я впервые при обсуждении услышала и участников его группы. Но организационные дела не дали мне возможности увидеть все это своими глазами.

Впервые на группу доктора Алексейчика я попала в 1983 году в Ленинграде. Многое меня на группе шокировало: жёсткость, авторитарность. При этом временами группа оказывалась полностью в его власти. Потом об этом же я услышала от участников и других групп: «Мы позволяли ему целовать наших женщин, наши женщины чистили ему обувь. Мы, как подростки, бунтовали и претендовали, но сталкивались с безответственностью в своих спонтанных проявлениях и претензиях», — сказал один их участников после группы в Новосибирске. Что меня поразило и восхитило? Прежде всего, действия самого ведущего, его вызов по отношению к группе: провоцировал, эмоционально реагировал, требовал, сомневался и перепроверял. Создавал ситуации, когда другой вынужден был реагировать и действовать в полной ситуативной неопределённости и в непредсказуемости ответной реакции. Таким образом, получал подтверждение или опровержение заявленного, проявляемого, предполагаемого и открываемого, что в дальнейшем определяло основную специфику групповой работы.

Я тоже в своих группах проигрывала, перебирая, эмоционально реагируя на различные ситуации, чтобы понять происходящее. Но в силу моей слабости все тащила на себя, осуществляя так называемую «виртуальную диагностику» без освидетельствования самих участников, поэтому иной раз все могло заканчиваться просто интерпретацией относительно той или иной ситуации. Я знала, и не по своей группе, что при неполной включенности в групповой процесс участники после занятий за столиком кафе обсуждали не своё прожитое и пережитое, а впечатлившее поведение тренера: «что он с нами делал и как мы выстояли».

А в Вильнюсе доктор, видимо, уже достаточно «натворил» к тому времени. Потому что после семинара при обсуждении именно психологи и психотерапевты из Литвы просили настоятельно дать оценку работы Александра Ефимовича. Конечно, обличающую и осуждающую, как неприемлемой при работе с пациентом. Находясь под впечатлением личного посещения группы, я, включившись в обсуждение, поделилась своим: «Я возможно, никогда не буду так вести группу (в принципе я и человек другой, с другим личностным и профессиональным ресурсом), но очень хочу, чтобы мои группы были как его — настоящими, с настоящими живыми людьми и переживаниями, погруженными в живую жизненную ткань». Я стремилась попасть ещё раз в группу к Александру Ефимовичу, чтобы поближе познакомиться с его работой. Такая возможность представилась через два года в Вильнюсе. Надо заметить, что в то время групповая работа на семинаре носила камерный характер, количество участников ограничивалось доступностью места в небольшом кабинете Александра Ефимовича. В процессе моего «ознакомления» происходящее «попало в меня и ударило», как я понимаю сейчас, сорвало коросту с моей болячки, обнажив боль, прикрытую ею. И я, стараясь оставаться честной, на следующий день заявила, что я ухожу из группы, потому что не принимаю того, ЧТО я вижу, ЧТО вынуждена здесь чувствовать и переживать. При обсуждении работы в своих группах участники сообщали, что «временами очень больно». Но не до такой же степени! Меня попросили объяснить. Я согласилась. И оказалась между свободой в ситуации ответственности — безответственности, в невозможности любить и чувствовать любовь. Много вопросов появилось у меня после этой группы к доктору Алексейчику. Я обратилась с этими вопросами и даже претензиями к нему, и хотя он мне постарался ответить, на поверку оказалось, что вопросы были, прежде всего, к себе и отвечать на них пришлось мне самой для себя. Я примеряла себя через свой проявленный статус, рассматривала себя с позиции переживаний и боли пациента, я мысленно видела себя в своей работе с обнаженными на группе личностными и профессиональными лакунами. Поняла, насколько значимо и важно быть рядом с клиентом, с его страхами, с его болью, в ситуации закатившейся за горизонт в тот момент для него любви. Память о той ситуации временами напоминает о себе, и никуда не исчезнет, как рубцы на теле после хирургического вмешательства. И это хорошо.

Не один десяток лет прошёл, когда вновь, уже осознанно, я приняла решение через группу проверить себя и испытать происходящим, разрешить свои беспокойство и подозрения относительно накопившего за годы наносного в своей работе. Хотелось, не жалея и не пряча себя, активно предъявить и заявить себя и через столкновение с реальностью группы прочувствовать свои слабости. Что я и сделала несколько лет тому

назад, выстояв положенное время при отборе группы. (У меня есть небольшое эссе об этой группе в этом журнале.)

Чаще же, когда появилась возможность участвовать на семинаре в большой группе, работала за кругом. Работа за кругом имеет свои особенности. Неполная погруженность в живую плоть группы позволяет яснее осознавать, появляется возможность рефлексивного осмысления, но остается способность и к сопричастности к происходящему в группе и в то же время сдерживающая потребность в действии и содействии. Каждый последующий из семинаров, на которых я присутствовала (несмотря на то, что в основном я работала за кругом), был для меня лично-профессиональным испытанием, открывающим горизонты многообразия мира, встречей с благодатными участниками группы Александра Ефимовича, посланными мне для благоразумения. Некоторые из них, глубоко тронувшие мою душу, остаются в моей памяти навсегда.

«Модно то, что актуально на сегодняшний день», — говорит Александр Ефимович. И жизнь, ставя диагноз, определяет специфику в направлении работы. В 80-е годы речь шла о личном самостоянии, индивидуальной свободе, но и ответственности в ситуации свободы. Сегодня на смену нам приходит новое поколение — более свободное, но более одинокое и отчужденное в отношениях друг к другу. Так, по крайней мере, я чувствую. И на группе чаще разговор идет о заботе относительно своей души, милосердии и сострадании по отношению к другому. И сам семинар становится более мягким. Больше доверия к группе. Больше доверия группы.

При этом каждый последующий семинар воспринимается мною как продолжение и углубление предыдущего — и в то же время совершенно неожиданно новый. С удивлением обнаруживаешь, что подчас ты опять в роли подмастерья. И впереди большой путь.

